

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Блокноты, тетради, записные книжки Эммануила Генриховича Казакевича (24.II.1913—22.IX.1962) сохранили для нас его планы, его мысли. Они как бы вводят нас в творческую лабораторию автора «Звезды», «Весны на Одере», «Синей тетради» и других книг.

Они дают нам представление о человеке щедрой души, о вдумчивом и требовательном к себе художнике. Его добрый талант сочетается с остротой мысли и точностью жизненных наблюдений.

Сегодня мы печатаем записки Э. Казакевича разных лет начиная с 1948 года. Они не имеют между собой никакой связи — ни сюжетной, ни тематической... Это лишь небольшая часть дневника писателя, его творческой и жизненной исповеди...

ОТ ЛУГИ до Ленинграда все перерыто и перекопано старыми траншеями, заросшими травой, завалено ржавой проволокой и спиралями Бруно, уставлено танками — нашими и немецкими, — разбитыми, раздетыми. Развалины маленькими кучками лежат на равнине, как канища языческих идолов. Как раз в момент прохода поезда в километре от железной дороги разорвалась мина, и черный (знакомый!) столб дыма поднялся к небу, затем до поезда донесся глухой, короткий звук взрыва. Мы так и не успели разобрать, кто виновник этого происшествия — меланхолическая корова, глупая собака или мальчик, игравший на лугу. Война еще вокруг, хотя все забыли о ней.

Он жил в гостинице довольно одиноко. Никто не заходил к нему, считая, что у него всегда полно народу. А он не сознавался в своем одиночестве из гордости, и время тянулось очень медленно.

Что умные? Умные те, которые искусно скрывают свою глупость. Мелкий ум, его хватает только на то, чтобы скрыть глупость своего владельца.

Он пел всегда «Мы кузнецы, и дух наш — молод». Ему не приходило в голову, что дух может быть молод.

Гитлеровские фельдмаршалы Рунштедт, Манштейн и Штраус, в ожидании суда, живут в предместии Гамбурга, в комфортабельном доме вместе со своими женами. Им готовят немецкие повара. Кто хочет, может их навещать. Офицер английского штаба раз в неделю посещает их, чтобы узнать, нет ли у них каких-либо особых пожеланий. (Агентство Рейтер).

Генерал фон Макензен и ген. Симон в тюрьме

Верль проводят время в саду или пишут свои воспоминания (ДПА).

Фельдмаршала Кессельринга посетил в тюрьме Верль — английский губернатор земли Сев. Рейн — Вестфалия ген. Бишоф, который в свое время был в плену у Кессельринга во время итальянской кампании. Бишоф заверил Кессельринга, что фельдмаршал может получить все, что пожелает (Телепресс).

Браухич не выносит шума, поэтому сторожа поверх сапог носят особые туфли на мягкой подошве. Лампы в помещениях Браухича снабжены колпачками, чтобы не слепить глаза фельдмаршалу. («Ивнинг пост»).

Досрочно освобожден из Ландсбергской тюрьмы (Бавария) генерал Карл Холлидт.

Генерал гестапо Вильгельм Шпейдель в тюрьме разрабатывает мероприятия по созданию нового вермахта.

Фельдмаршал Эрхард (Эвальд?) Мильх отправился из тюрьмы в отпуск к своей матери в Люнебург. (Телепресс).

Иодль прятался под диван или под рояль в генштабе и подслушивал разговоры, затем сообщал о них Гитлеру.

Ф. Манштейн часто играл Гитлеру в интимной обстановке фуги Баха. Черчилль внес 25 фунтов в фонд защиты Манштейна. Его поддерживали два пэра, б. министр Хэнки, «Таймс» и «Дейли телеграф энд морнинг пост», все реакционные офицеры Великобритании. Два немецких и три английских адвоката (в том числе знаменитый Пэйджет), нанятые за огромные деньги, защищали его. Ему все же дали 18 лет, замененные на 12 лет командующим рейнской армией ген. Кейтли. Потом срок был опять уменьшен вдвое.

Писатель ничего не доказывает — он рассказывает. Его рассказ — доказывает.

Литература растет не от заседания к заседанию, а от произведения к произведению.

Ревность — чувство стихийное и может быть удоболено весеннему паводку или лавине. Для того чтобы ревновать, вовсе не нужен Яго, клеветник и интриган. В этом отношении «Зимняя сказка» вернее передает возникновение ревности, чем «Отелло». Причины здесь не нужны, ибо отсутствует логика.

Мои любимые в слове: Данте, Шекспир, Толстой, Пушкин, Гейне, Достоевский, Стендаль, Франс.

В музыке: Моцарт, Шуберт, Мусоргский. В живописи: Тициан, Рембрандт, Веласкес, Ренуар, Сислей, Писарро, Джорджоне.

«Моцарт», «Душа музыки», «Гуляка праздный», «Моцарт и Сальери».

Начало: современная Москва, осень, ветер сдувает с деревьев листья Горького, листья, и они, кружась и кувыркаясь по асфальту, падают под колеса автомобилей... Площадь Пушкина, памятник поэту, листья летают вокруг него.

И тут случается чудо, возможное только в кинематографе: плац начинает шевелиться на ветру, Пушкин поднимает руку и надевает шляпу. Самые пронизательные в мире глаза усмеваются. Он поворачивает голову с той неповторимой грацией и свободой, которые, как мне кажется, были ему присущи. Впрочем, это не тот Пушкин, что в начале двадцатых годов, до декабристов. Здесь уже не только грация и свобода в движениях, но много размышлений и тайной грусти.

Пушкин чего-то ждет, осенний ветер рвет его плащ, раздувает бакеенбарды. Подъезжает карета, Пушкин садится в нее. Она едет по Москве двадцатых годов прошлого века, копыта цокают по булыжной мостовой /.../ Подъезжает к Большому театру — не нынешнему, а тому, который существовал до пожара: чуть поуже, чуть выше, колонны чуть потеснее. Афишка на театре:

Будет представлена опера Моцарта
«Дон Жуан»

Пушкин в ложе. Темнота. Увертюра к «Дон Жуану» /.../

В Болдино. Пушкин один за столом, перед ним рукопись, он пишет заглавие «Моцарта и Сальери». Начинается фильм.

И — в заключение фильма — улица Горького, автомобили, листья летят. Пушкин. Он всходит на пьедестал, снимает шляпу, медленно опускает руку и застывает — перед нами снова памятник.

Листья летят, кружатся по современной улице Горького, вокруг памятника.

Народность, близость к народу. Общество писателей и общество вообще. Можно жить в колхозе и быть за 1000 верст от народной жизни; можно жить в столице и быть связанным с народом. Можно жить в Москве и не знать Москвы. (О писателе, который умер, так и не побывав в Третьяковской галерее, хотя жил рядом с ней.)

Михаил ИСАКОВСКИЙ и Эммануил КАЗАКЕВИЧ,
Август 1954 г. Коктебель, Крым.

О литературной критике. Слабость ее. Строгая, но товарищеская и заботливая критика, без крикливого тона, без любви к пустым сенсациям. Критик должен знать жизнь, иначе — писатель плохо знает жизнь и пишет, а критик еще хуже знает жизнь и пишет о произведении писателя, плохо знающего жизнь.

Очерк и его роль. Полезность очерка для работы над точностью слова, выражения, пейзажа. Жизнь — очерк. Очерк можно планировать. Очерк нужно делать. Очерк приведет к рассказу, повелде и т. д. Очерки Пушкина, Короленко, Чехова, Горького, Фадеева и др.

Отсутствие анализа произведений литературы — общее несчастье многих докладов и учебников (и статей).

Десять лет со дня победы над Германией. Это гордое чувство — быть одним из миллионов победителей, участником этой самой тяжелой и самой великой из войн.

1955 год подходит к концу [...] Как всегда, я недоволен собой. Мне кажется — и, к сожалению, я не ошибаюсь, — что за прошедший год сделал мало и не так хорошо, как мне хотелось бы. Это вечное

недовольство горько, как желчь, но, пожалуй, плодотворно: оно язвит сердце, но заставляет требовать от себя большего, стремиться к большим задачам, к большему совершенству...

В Петровске я видел нищего с одной ногой. Вернувшись в Моргасово, рассказал об этом хозяйке, тете Кате.

— Это какой? Толстомордай? — спросила она. Она знает всех в округе и о каждом может рассказывать долго.

Тетя Катя, как только я просыпаюсь, начинает мне рассказывать. Похоже на то, что она ждет не дожидается, покамест я проснусь (сама она встает часов в 5 утра). Однако, как только я сажусь писать, она замолкает. Она не болтливая, а общительная. Говорит на удивительном русском языке, исконном, выразительном, но употребляет и такие слова, как «аннулировать», «ликвидировать». Здесь стоит пожить хотя бы для того, чтобы послушать разговоры.

В 1-й части на вечере шефства даются ощущения Феди по поводу всего, что он видит и слышит. Во 2-й части даются ощущения Володи Ловейко на том же вечере по поводу того же самого; в подходе каждого из них — сущность их социального положения, характера и психологии. (Этот метод — показывать одно и то же через разных людей — кажется мне очень новым и полным больших возможностей.)

Не только разные люди. Одни и те же люди видят одно и то же, но в разное время — например, в молодости и позже — и по-разному же оценивают. Это в большом романе необходимо показать — в этом диалектика применительно к художественному изображению человека. Это — не фокус, не манера, а жизнь.

«Война и мир». Главная ее черта — детская наивность, гениальная, свойственная «Илиаде». Гектора там убивают не в единоборстве — его окружают и убивают мирмидоняне; и все равно Ахилл считается величайшим героем; он смазан «бессмертной мазью» (кроме пяток), но все равно считается величайшим героем. Агамемнон корыстен и труслив, Менелай ничтожен, Аякс непроходимый болван. Но все равно они считаются великими царями и героями. Наивность «Войны и мира» под стать этой наивности. И оказывается, это так и есть.

Писатель говорит хирургу, который его оперировал: «Будь я хоть вполовину способен так проник-

нуть в душу человека, как вы — в его тело, и место в Пантеоне мне обеспечено».

Новелла. Мужчина знакомится на курорте с женщиной. Она увлекается им. Приезжает муж, и оказывается, что это прекрасный, симпатичный, умный, любящий жену человек, который очень нравится первому. Этот считает мужа гораздо более стоящим человеком, чем он сам. Обида на женский пол, мужская солидарность и чувство оскорбленного достоинства. Слово обидели его. Он уезжает.

Кажется, типическое не только не всегда сказывается в обыкновенном, но, напротив, сказывается со всей силой только в необыкновенном, в редком, в исключительном: Николае Ставрогине и полковнике Шабере, в Таис и деле Джорндаяс-Джорндайс, в «Палате № 6» и истории Хаджи-Мурата, в «Тамани» и Булычове, в Гамлете, Фальстафе и Отелло, наконец. (Если верить некоторым теоретикам, дочери венецианских сенаторов должны были каждый день влюбляться в негров.)

Чехова раньше называли писателем сумерек, камерным лириком, поэтом «бездвременья». Оказалось, что он увенчал великий XIX век русской литературы и явился начинателем великого XX века литературы мировой.

Без него был бы немыслим новый подход к изображению современного человека во всей тонкости и сложности его душевных движений, т. е. были бы, грубо говоря, немыслимы Хемингуэй, итальянское кино и т. д.

Что касается его влияния на нашу, советскую литературу, то оно столь безгранично, что даже иногда становится опасным. Делать «под Чехова» легко, т. к. Чехов как будто бы весь в обыкновенном, весь в обыденном. Если не заметить за этим обыкновенным, обыденным — великой поэзии человеческой жизни и великого обаяния человеческой личности — можно впасть в ничтожество. Это и случается иногда с нашими новеллистами, работающими «под Чехова».

Только в процессе деятельности познается человек. Мысль — тоже деятельность. Переживания, сомнения и преодоление их — тоже деятельность.

Публикация Г. О. КАЗАКЕВИЧ